

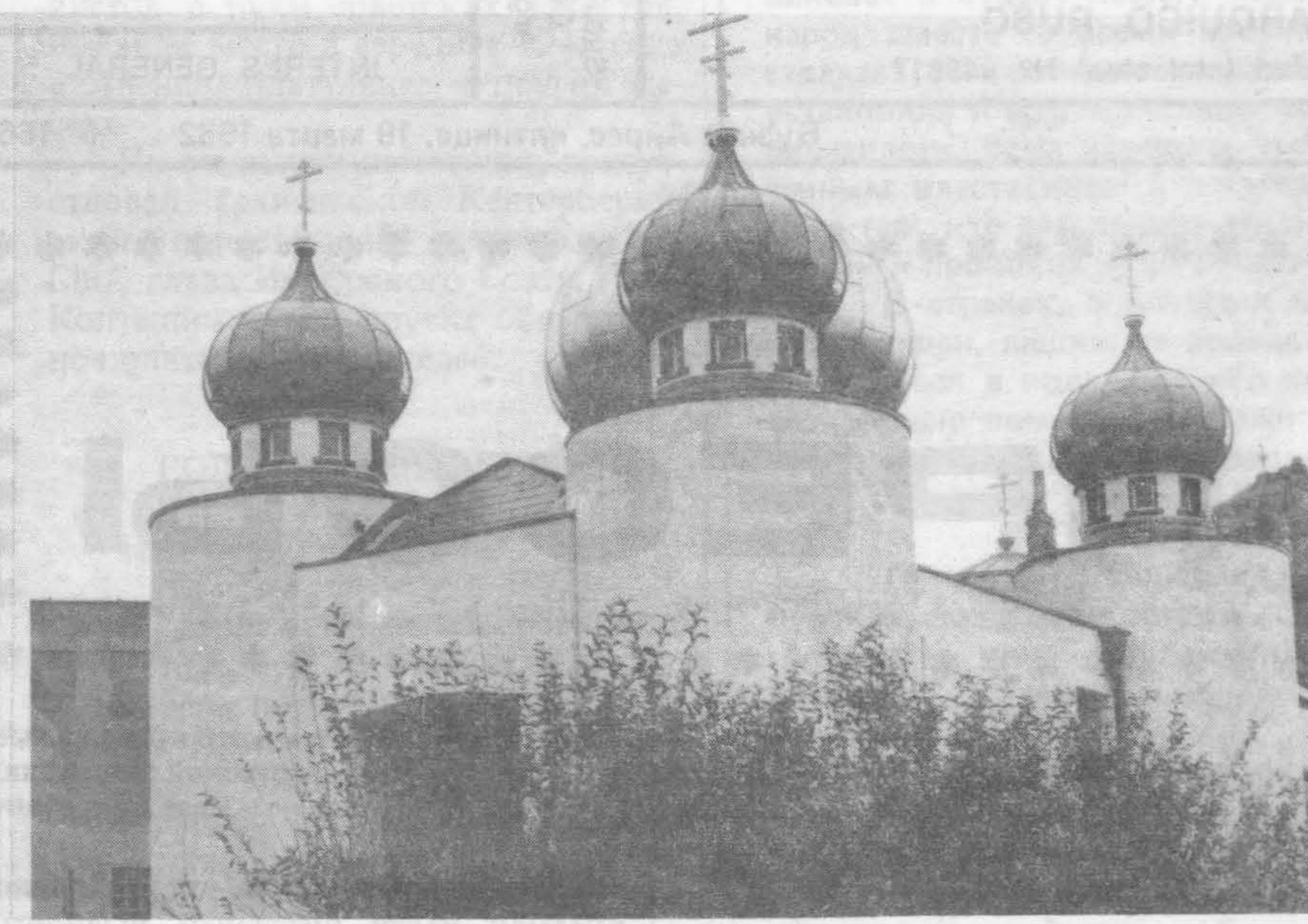

Зарубежная жизнь

ПЕРВЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРАМ В ЛЮКСЕМБУРГЕ

Двадцатого мая 1979 года преосвященный Антоний, архиепископ Женевский и Западно-Европейский с сонмом духовенства совершил чин закладки первого и единственного православного храма в Люксембурге.

По сей день почти все наружные и внутренние работы закончены. Несмотря на то, что храм пуст, так как нет пока никакой утвари, все богослужения регулярно совершаются с большим подъемом и благоговением.

Наружный вид храма

Отец Киприан за работой

Этому способствует алтарная роспись икона писца архимандрита Киприана из Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США).

Отец Киприан в рекордное время расписал Горнее Место, а именно — сверху вниз — Бог Отец и Бог Дух Святой, и Иисус — композиции "Предста Царица Одесную Тебе", дополненный святыми Апостолами Петром и Павлом.

На правой стороне алтаря — св. Василий Великий. Слева — св. Иоанн Златоуст.

Храм Божий — это рай земной, и молитвенно пребывать в храме, — значит быть в общении с ангелами Божими, все равно, что быть на небе, в раю Божием.

"Стоящие в храме славы Твоей, мним стояти на небеси" — учит нас Святая Церковь. "На небесах, — говорит святой Иоанн Златоуст, — славословят Спасителя ангелы Божии, а на земле подражают им люди, когда в храме Божием собираются, на небесах серафими поют трисвятую песнь, и на земле ту же песнь повторяют люди".

Значительные расходы по постройке храма покрываются жертвенностью русских людей всего зарубежья.

Мы приносим глубокую благодарность всем, принявшим участие в создании нашего великолепного храма своими жертвами и трудами, и просим всех друзей и сочувствующих поддержать нас своими молитвами, чтобы Господь Бог помог нам завершить во славу Его дело построения храма, начатое почти три года тому назад.

Желающие внести пожертвование на постройку храма могут его послать по следующему адресу:

Rev. Serge POUKH. 15 A rue J. B. Esch. Luxembourg-Belair 1473.

(Grand Duchy of Luxembourg). Europe.

Имена всех жертвователей не только записаны на небесах, а поминаются, совместно со здравствующими и усопшими сродниками, за каждой литургией.

Настоятель Прихода
иерей Сергий Пух
и Церковно-Приходской Совет

Г. Л. ЛУКИН

ТРИ ВОЛНЫ

Очень часто на страницах нашей печати затрагивается вопрос: как назвать правильно каждую из трех главных волн русской эмиграции? Ответ не простой, так как данное название определяет политические, религиозные и национальные настроения этих волн.

Принято говорить:

про первую волну —

белогвардейцы, добровольцы;

про вторую волну —

власовцы;

про третью волну —

диссиденты, евреи.

Если проанализировать эти названия, приходишь к очень интересным выводам.

Добровольческая или Белая Армия эвакуировалась из Крыма с генералом Врангелем, численностью в 150.000 человек. Если к этому прибавить новороссийскую эвакуацию, то общее число дойдет до 200.000 человек. Предположим, что силы генералов Юденича и Миллера ушли за границу численностью тоже в 200.000 человек и что ушедшие в Китай части адмирала Колчака насчитывали 300.000 человек. Таким образом общее число оказавшихся за границей белых воинов всех фронтов — около 700.000 человек.

Однако, по статистическим данным первая эмиграция насчитывала 2.500.000 человек. Из этого вытекает, что более двух третей ее состава не были белыми воинами, дравшимися с оружием в руках за Единую и Неделимую Россию, а были эмигрантами всех сортов и направлений, беженцами, преследуемыми советской властью.

Белая идея не была общим достоянием, но слово *белый* ясно определяло все антикрасное, антибольшевицкое. Во многом не находя общего языка между собой, люди первой эмиграции сходились все же на одном, а именно: что они *белые русские*, хранители русского православия, русской культуры, русских традиций и непримиримости к большевикам.

Все те, кому удавалось бежать из СССР между двумя войнами и кого волновали судьбы нашей родины, вливались в эту белую эмиграцию.

Во время Второй мировой войны (когда белые еще раз показали готовность пролить свою кровь за Россию) появились перебежчики, военнопленные, рабочие из оккупированных немцами областей СССР. Они были всевозможных убеждений. Если отбросить тех, кто стоял за большевиков (весома, впрочем, небольшой процент), то можно сказать, что из оставшихся одна треть была организованной и распределилась между казачьими частями, немецкими вспомогательными отрядами и власовским движением, которое благодаря манифесту и как бы созданию некоторой разновидности российского правительства за границей было более известно, чем другие. Остаток же состоял из пассивных очевидцев, не примкнувших ни к кому.

Когда кончилась война, про большевицкие активисты и большая часть "пассивных" вернулись в СССР. Бойцы же, спасшиеся от выдачи и преследований, остались на Западе вместе

те с теми "пассивными", которые в душе были антибольшевиками.

У новых эмигрантов тоже не было единодушия, но нет сомнения, что они любили Россию, были настоящими ее сынами. Некоторые из них присоединились к старо-эмигрантским организациям, другие создали свои собственные, многие ушли в быт, но все называли себя *белыми русскими* — то есть, опять-таки хранителями русского православия, русской культуры, русских традиций и непримиримости к большевикам.

Сравнительно недавно советская власть начала давать разрешения репатриироваться в Израиль людям, которые в СССР по документам числятся евреями. Также были высланы за границу и лишенны советского подданства, как нежелательный элемент, люди и иных национальностей, включая и русскую. Это и есть так называемая "третья волна", которая хотя и пережила не мало, все же уехала легальным способом из СССР.

Не будем вдаваться в подробности, почему советская власть выпустила этих людей, но один факт их легального отъезда из СССР не ставит их в ряды русских политических эмигрантов, пока они сами не заявят об этом. А от формы и содержания их заявления зависит: вольются ли они в белую эмиграцию с ее вышеуказанными качествами или станут *первой советской эмиграцией*, желающей лишь некоторых перемен в советском строе, чувствующей себя советской и считающей СССР своей родиной? Или, наконец, станут ли они пассивными жителями приютивших их стран, невозвращенцами, только хотяющими устроить свою личную жизнь подальше от Советского Союза?

В первом случае — это приток свежих сил в ряды белых эмигрантов, традиционных представителей Национальной России.

Во втором случае, в качестве *первой советской эмиграции* эти люди не имеют права говорить от имени России, не имеют права ее представлять ни под каким видом. Нам же они чужды, как нам чужд сам Советский Союз.

К сожалению активное большинство представителей третьей волны относится ко второй группе то есть к *первой советской эмиграции*. Эти люди не знают, не любят, не чувствуют и не уважают Историческую Россию и ее сокровища, но они рвутся ее представлять и выдают себя за русских эмигрантов. Они как правило ругают обе предыдущие эмиграции и издеваются надо всем святым для каждого белого русского. Они хотят подменить определение *белый эмигрант*, со всем его значением, словом *диссидент*.

Нам же белым, нечего искать всюду, без разбора, союзников и единомышленников и предлагать им: "Приходите и владейте нами!" Нам нужно больше верить в свои собственные силы! Нам надо сплотить ряды, не поддаваться соблазну, и наперекор насмешкам и оскорблением советских прислужников, вести твердо линию *белой эмиграции*.

Г. Л. ЛУКИН

А. МАКРИДИ

МОЯ ЖИЗНЬ

На второй год войны я потерял отца и остался с матерью. Большой театр, где служил отец, устроил воскресный спектакль, сбор которого труппа пожертвовала на оплату моего учения, что-то около полутора тысяч рублей, которых хватило для окончания корпуса. Упоминаю об этом для сравнения нравов и традиций дореволюционных с советскими в подобных случаях; об одном из них речь впереди.

"Бескровная февральская революция" ознаменовалась охотой на полицейских служащих и убийствами их в Петербурге. В Москве было сравнительно спокойно. Только не в нашем корпусе, где кадеты первой роты, где был уже и я, устроили настоящий бунт после введения новых порядков. Этому способствовал эпизод, о котором стоит рассказать.

Во время войны нашего "таранка" – инспектора классов полковника Дурново – сменил откуда-то со стороны присланный полковник Халтурин, высокий, но не статный офицер с брюшком и большим красным носом. По совместительству он выполнял преподавательские обязанности, читая курс древней истории, за что и прозван был "Атилой". Педагогом он оказался превосходным, преподавал с увлечением, интересно, вызывая увлечение предметом и учеников. Редкий случай: по этому предмету не стало отстающих. В силу этого, хоть прозвище у Халтурина и осталось, но красный нос и выпяченное не по-военному брюшко ему были милостиво прощены. Однако, не надолго. К величайшим кадетским смущению и возмущению с первого дня февральского переворота, у полковника Халтурина к красному носу прибавился не меньший и не менее красный шелковый бант.

Это не было приспособленчеством. Полковник Халтурин оказался старым членом террористической партии социал-революционеров, то есть, недобром памяти пресловутых "эсеров". Не трудно было угадать, что в недалеком будущем этот эсер сменит непреклонного монархиста Римского-Корсакова на его долголетнем посту директора. До экзамена поддерживалось сравнительное спокойствие и на время летних каникул корпус как всегда опустел. Но вернувшись в сентябре к началу занятий, нашигованные за лето родителями и поведением распустившиеся солдаты, кадеты-старшеклассники объявили решительное неповинование распоряжениям и нововведениям новой администрации с Халтуриным в главной роли.

Неповинование быстро приобрело контрреволюционный характер, кадеты обособились, выбрали вожаков и подчинялись только им. Воспитательский персонал, прикрываясь вынужденным невмешательством, явно нам сочувствовал, но помочь ничем не мог. Халтурин возле своей квартиры выставил охрану, опасаясь нападения. Напряжение росло и новое начальство во Временном правительстве ничего иного не придумало, как отложить начало учебного года и разогнать бунтовщиков по домам на полтора месяца. Я вернулся в Борисоглебск продлевать летний отпуск.

Мне – отъявленному москвичу – не полагалось бы хвалить провинцию, постоянную мишень столичного злословия, но заканчивая длинную, извилистую и порядком ухабистую дорогу на другом конце света, я обя-

зан по чистой совести признать большое духовное преимущество провинциальной России над столичной. Я имею ввиду, конечно, "допроклятое" время, хотя и в советское время обнищавшая, голодная, холодная и опустившаяся провинция не так растратилась нравственно, как "красная Москва" или даже "город Ленина". И куда бы мне ни приходилось выезжать из Москвы, везде и всегда люди казались мне привлекательнее и менее отличавшимися от прежних, дореволюционных

В прежнее время часто приходилось слышать и читать, что "Россия – дом Пресвятой Богородицы". Если это не ошибка, то Богородица обитала именно в провинции России, но не в ее столицах. В нашей литературе, наредкость негативной, преобладало по отношению к провинции и "провинциалам" верхоглядство, какое-то, я бы сказал, колонизаторское. А ведь редко где еще можно было бы найти тот "Свете Тихий", теплую, уют, теплоту и чистоту, какие систематически выветривались из косо европеизировавшихся наших столиц; все менее походившие на русские и какие составляли суть и пульс настоящей, а не выдуманной России; как бы она ни изменилась, ни оскудилась, сердце ее, сердце исторической России было и осталось в провинции.

Борисоглебск, уездный город Тамбовской губернии, был одним из типичнейших провинциальных городов прежней России. Посредине города – огромная четырехугольная "базарная" площадь, в центре которой целый городок лавок, лабазов, складов; добрых, кирпичных, каменных, а между ними свои улички и переулочки, тоже аккуратные, прямые. Ночью все это на крепком запоре, без людей. И как ни велика площадь, горожане не жалели ног, ни времени, обходили площадь краем, а не пересекали ее, даже самые храбрые. Нет, нет! Никакого бандитизма в городе не было и боялись не жуликов, а собак. И не сторожевых даже, а одичавших и голодных. Днем они ничем на себя внимания не обращали, а ночью становились хозяевами городка и на неосторожных пешеходов нападали организованно. Раз я пренебреж предупреждением, а потом уж никогда не пытался скрываться в темноте дорогу. Я еле отбилась от бесприютной своры "братьев меньших" кадетским штыком, и когда отбивалась, чувствовал себя затравленным зверем, в котором голодные собаки видели не "чужого", не врага, а вкусное мясо. Вот, какой он – Борисоглебск!

Вот, каким его непременно по традиции следовало бы описать в художественной литературе! И непременно с предельным преувеличением опасностей, непорядка и непролазной грязи.

Но все это и ежегодная нелепость, когда хилая река Ворона заполнила огромное пространство весенним половодьем и отрезала на месяц пригород с его жителями, остались в голове, как курьез. А "память сердца" хранит до сих пор другое: двухэтажный красивый дом городского отделения Волжско-Камского банка. Внизу – служба, сейфы, а наверху обширная квартира, светлая, многокомнатная директора П. М. Аносова, добрейшего человека, неспособного днём прожить без музыки и слушать ее без слез. Гостеприимный дом Аносовых был центром духовной жизни города и каждый вечер напол-

ПАМЯТИ ДРУГА

Читатели уже знают о горе, постигшем семью Макриди. Горе обрушилось и на всех нас, его знавших и сотрудничавших с ним. Смерть Анатолия Григорьевича – незаменимая потеря для русского зарубежья и особенно для Народно-Монархического Движения. Таких людей, как он, могла выпестовать только родная земля! Нужно было несколько высококультурных и талантливых поколений, чтобы появился вот такой человек: полностью впитавший в себя русскую культуру, преданный родине, а также душой и разумом понявший, что самая лучшая форма правления для России – народная монархия. Этой идеи он и посвятил свою жизнь.

Сам Анатолий Григорьевич был художник, а родители его окончили Московскую Консерваторию, где фамилия Макриди значится на мраморной доске лауреатов.

Анатолий Григорьевич верил в русский народ и его природную добротность. Как-то на мои сетования, что вот появилась порнография в русских книгах, я получила такой ответ: "Я заметил, что русские читатели заграницей, по крайней мере, оказались неспособными оценить ароматической прелести порнографии и издание ее на русском языке убыточно... Совершенно так же, как в советской литературе, часто ни к селу, ни к городу в художественную сферу втемяшется какая-нибудь вульгарная агитка, тоже ни к селу, ни к городу на Западе, как пошлина, втискивается сцена голых в постели..." О писателях же, пускающих в ход порнографию, он обронил: "Это говорит об их серьезных намерениях разбогатеть..."

Смерть не была страшна Анатолию Григорьевичу. "Я давно живу сверхурочно" – шутил он. Но он боялся долгого беспомощного пребывания в больнице и Господь избавил его от этого испытания. Умер он дома на руках жены и как написала мне Татьяна Николаевна, – "посланный Богом сербский владыка" приготовил его к переходу в лучший мир по православному обряду. Он же и похоронил его.

Мир праху твоему, дорогой друг!

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

нялся гостями запросто, даже и не приглашенными, приходившими не только куско поужинать, но поговорить, послушать, поиграть или спеть новый роман.

В военное время центром общества в городе были офицеры двух гвардейских полков – Изюмского и Белорусского; полки сражались на фронте, а в Борисоглебске формировалось пополнение их, так называемые "маршевые эскадроны", после надлежащей подготовки отправлявшиеся со своими командирами на войну. Поэтому не реже, чем раз в год менялись и гости аносовского дома, но обычай его культурного времяпрепровождения оставался неизменным.

Господа офицеры были неодинаковыми. Наблюдала жизнь одних, я к моему огорчению убеждалась в том, что "вино, и женщины, и карты" созданы не только для кадет, но среди гусар постоянно встречались высокоблагородные с острой духовной жаждой люди, не довольствовавшиеся пьянством и картежничеством. Они-то и составляли программу аносовских вечеров. Не одни они, конечно; были из числа постоянных жителей, и другие интеллигентные люди.

По образованию и воспитанию они ни в чем не уступали столичным "властителям дум" и "законодателям мод", но по нравственной прямолинейности их превосходили; мальчишкой я это остро чувствовал.

В семье Аносовых были две взрослые дочери и сын-гимназист, старшеклассник. Дочери учились в Москве, одна в консерватории, другая на медицинском факультете и жили у моей матери, откуда и возникла дружба со всей семьей.

Семья отличалась патриархальностью и гостеприимством; длинный дубовый стол, превращаясь в пасхальный, становил от нагрузки, после семинедельного поста, строго соблюдавшегося; никаких вечеров Великим постом в доме не было.

Главой дома была Варвара Ивановна Аносова, хозяйственная широта которой никак не вязалась с ее суровым видом. Это была очень крупная, полная брюнетка с рине-пег на замкнутом и озабоченном лице. О том, что у нее были брат и сестра, мы с матерью узнали позже, в Москве, куда я сейчас тороплюсь, чтобы не опоздать в корпус.

(Продолжение в следующем номере)

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

РОМАНОВЫ И РОМАНОВ

Иностранцы считают своим правом, вернее своей святой обязанностью, оскорблять русскую монархию и в ее лице – великий русский народ.

Что же касается их детища – коммунизма, они с ним "в подружках": милые бранятся – только тешатся...

Надо быть, в лучшем случае, полным невеждой (или же попросту злумышленником), чтобы преподносить читателю такой вздор, какой мы находим в статье "Конец одного Романова", опубликованной в буэнос-

айресском журнале "Сомос" (№ 167).

После того, как вся Императорская Семья была зверски замучена и немногие уцелевшие ее родственники оказались за границей, автор статьи представляет некоего высокопоставленного партнера Григория Васильевича Романова, как одного из отпрывков царского рода!

И из-за весьма низкого культурного уровня автора нам, русским монархистам, приходится глотать очередную горькую пилюлю.

Очевидно, в понимании автора любой человек по фамилии Романов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ЖЕРТВАМ ВЫДАЧИ

Нам пишут из Лондона:

Здесь был, наконец, освящен памятник погибшим жертвам нацистов в руки советских антикоммунистов в середине 1945 года в Лиенце, Платтлинге и других местах.

На открытии памятника присутствовал архиепископ Кентерберийский, прилетевший специально из США глава Имперского Союза П. Н. Колтыпин и ряд других общественно-политических деятелей.

СОЛЖЕНИЦЫН О ДУМЕ

Нам пишут из Парижа:

В вышедшем здесь "Вестнике РХД" № 135 А. И. Солженицын опубликовал, посвященную Государственной Думе главу из "Марта Семнадцатого". Она относится к роду "обзорных", то есть содержащих лишь подлинный исторический материал, без вымыселенных действующих лиц.

Солженицын пишет, что начав читать толстые томы стенограмм четырех Дум "еще с полным неведением, с полным доверием, никакого мнения не имея и не предвидя, — от заседания к заседанию вдруг испытываешь тосклившую пустоту от резкой, оскорбительной, никогда не связанной с делом и никогда не предлагающей осуществимого дела говорильне... российские социал-демократы, трудовики, да многие кадеты, совершенно свободны от сознания, что государство есть организм с повседневным сложным существованием, и как ни меняя политическую систему, а день ото дня живущему в государстве народу все же требуется естественно существовать. Все они, и чем левее — тем едче, посвящают себя только поношению этого государства и этого правительства. Все они, выходя на думскую трибуну, обращаются не столько к этой Думе, не столько рассчитывают склонить ее к какому-то деловому решению, сколько срывают аплодисменты *передовой*, либеральной, радикальной и социалистической общественности — и ничего не жаждут, кроме ее одобрения".

Солженицын приводит и такие слова Керенского: "Я по политическим своим личным убеждениям разделяю мнение партии, которая на

НИКОЛАЙ НЕФЕДОВ

КТО КАТ?

В издающейся в Нью Йорке латышской газете "Laiks" в отделе "Голос читателя" 13-го января с.г. была помещена следующая заметка Я. Озолиньша:

БУДЕМ ГОВОРТЬ ИСТИНУ

Часть нашего народа ненавидит русский народ, считая, что он виноват в судьбе нашего народа. Этому нет основания, ибо русский народ вместе со всеми проживающими в России другими народами страдает от коммунистической диктатуры, и эту диктатуру в России установили и возглавляли до смерти Сталина не русские, а другие национальности. Всем известно, что грузин Сталин был в России не ограниченным властелином и небывалым убийцей людей. Этот убийца был тоже тем, кто дал приказ красной армии оккупировать прибалтийские страны и проводил истребление нашего народа.

В странах, в которых коммунисты захватывают власть, народ беспомощен, людям не принадлежит даже своя жизнь. Будем учиться разбираться в политике, ибо неразборчивость в политике слепо и бессознательно помогла ничтожному количеству коммунистов захватить власть уже больше, чем в половине света.

Я. Озолиньш

Латыш Я. Озолиньш, несомненно, является не только другом русских, но и разбирается в политике гораздо лучше, чем многие главы государств, как, например, германский канцлер — Шмидт, канадский президент — Трюдо, бывший американский президент — дегенеративный Картер и прочие.

Мы, русские, знаем лучше других, кто устанавливал и закреплял коммунистический режим, и укрепил так надежно, что Советский Союз стал пугалищем всего мира. И мы знаем, кто в Риге превратил в 1946 году монументальный Домский собор в концертный зал (разве могло прийти в голову подобное любому русскому правительству?), а грандиозный русский православный кафедральный собор — в планетарий; предворье же собора — в пивнушку.

НИКОЛАЙ НЕФЕДОВ

своем знамени ставила открыто возможность террора... к партии, которая признавала необходимость тирannoубийств".

Писатель отмечает, что общественно-парламентско-газетную игру, наблюдавшуюся накануне русской революции "мы усталым зрением часто видим на сегодняшнем Западе" и выносит 11-летнему "ничтожному лопотанью" четырех Государственных Дум приговор:

"Эта Дума никогда более не сберется.

И я сегодня, прочтя ее стенограммы... так ощущаю: такую Думу — и не жаль".

ОТКРОВЕНИЯ СИНЯВСКОГО

Нам пишут из Нью Йорка:

Выступая на симпозиуме, посвященном "проблемам диссидентства" в университете штата Индиана, Андрей Синявский рассказал, что отец его "был в прошлом левым эсером... но к власти большевиков относился в высшей степени лояльно. И, соот-

ветственно, воспитывался в лучших традициях русской революции или, точнее сказать, в традициях революционного идеализма, о чем, кстати, сейчас нисколько не сожалею".

В другом месте своего выступления "Абрам Терц" заявил, что православный царь "нередко больше похож не на Бога, а на чорта", но все же был вынужден признать, что среди русских политических эмигрантов "большим успехом и влиянием пользуется авторитарно-националистическое крыло, нежели демократическое".

Синявский объясняет это тем, что "по самому психологическому складу авторитарное направление более партийно, дисциплинировано, прямолинейно, более повинуется авторитету "вождей", нежели демократы, которым по природе более свойственна терпимость, плюрализм, разномыслие. Кроме того, основная масса старой эмиграции, составляющая большинство русской публики, или, так сказать, здешняя российская почва, поддерживает национализм и сторонников авторитарной системы — в силу своей застарелой,

принадлежит Императорскому Дому. Кто же такой Григорий Васильевич Романов?

Он глава ленинградского обкома партии, один из официально признанных заместителей самого Брежнева.

Автору статьи, повидимому, неизвестно, что Романов — довольно распространенная фамилия в России.

Впрочем, история повторяется: сравнительно недавно в одной из местных крупных газет появилась статья о танцовщице легкого жанра "княжне" Романовой.

Ради чего это околпачивание? Ясно одно: иностранная печать

стоит на должной высоте по части распространения ложных сведений, сиречь "уток". Все средства хороши для насыщения удара по русской монархии и династии Романовых.

Вышеупомянутый же партийный

член стал известен тем, что за-

катил пир на весь мир по случаю свадьбы дочери. На пирушке было около 1.500 приглашенных и среди них — немало иностранных дипломатов.

От большого количества выпитых шампанского и водки вскоре начался весьма не тонкий кутеж. Поднимали здравицу и бросали через плечо дорогие хрустальные бокалы, вдребезги их разбивая на счастье молодоженам... А фужеры эти принадлежали Императрице Екатерине Второй и были одолжены отцу невесты директором Государственного музея в Ленинграде Юрием Дюковым!

В. П. Альбрехт (Аргентина)
О СОЛОУХИНЕ

В № 121 журнала "Границы" напечатана вроде как бы "дискуссия" между двумя корреспондентами по поводу опубликования в 118-ом

номере того же журнала литературно-превосходных, а по идеиному содержанию замечательнейших двух рассказов В. Солоухина, никогда в СССР не печатавшихся.

Один корреспондент спрашивает редакцию, как она смела печатать в "Границах" писателя, который, якобы, пользуется благосклонностью советских властей, которому разрешается разъезжать по заграницам и который, самое страшное, где-то, когда-то "травил" Б. Пастернака!

Другой корреспондент отвечает первому очень многословно, как бы корова жевала жвачку, что ничего плохого в этом нет, что травля Пастернака была давно, но избегает признать, что эти рассказы Солоухина — самое лучшее, что "Границы" когда-либо печатали, за исключением произведений А. Солженицына.

Солоухин сейчас единственный

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

И СМЕХ И ГРЕХ...

— Чем китайские коммунисты отличаются от советских?

— Советские в любое время могут попасть в Сибирь, но не хотят, а китайские хотят, да не могут.

ОТЧЕТ КРАСНОГО КРЕСТА
(старой организации)
в Аргентине за 1981 год

Пожертвования	10.660.000
Выдано пособий	4.220.000

Сальдо на 1.1.1982	6.440.000
--------------------	-----------

М. Н. Чехова
К. А. Ассеев
В. М. Бадаракко
Г. Р. Фульда
Маркиза Кинская

ВЫШЛО ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ З. К. ЯЦУТЫ-ЦЫБУЛЬСКОЙ
С заказами обращаться в Редакцию «Нашей Страны».

еще монархической консервативности".

Итак, главный атрибут демократии — партийность, незадачливый хулиган России приписывает именно беспартийному направлению: авторитарно-национальному!

ЮБИЛЕЙ ЖУРНАЛИСТОВ

Нам пишут из Брюсселя:

По поводу 85-летия редактора "Часового", группы русских националистов (среди них — Б. С. Коверда и сотрудники "Нашей Страны" Л. Кутуков и Н. Нефедов) отметили "ту непрерывную 52-летнюю работу, которую В. В. Орехов ведет в журнале, показывая пример независимости, стойкости и верности России, призывая наше зарубежье к единению и к посильной борьбе против захватившей нашу родину интернациональной власти".

Почти одновременно в монархических кругах в США было также отмечено 90-летие редактора-издателя Вашингтонского журнала "Зарубежная Русь" Аполлона Александровича Соллогуба.

талантливейший писатель в СССР, равного которому там нет. Соловьевские рассказы, напечатанные в "Гранях" — это художественная и идеальная правда, равная правде Чехова и Бунина. И пусть большевики пускают его не только заграницу, но и на луну, — это честных русских людей смущать не должно. Что касается Пастернака с его "лейтенантами Шмидтами" и прочей псевдо-художественной чепухой, то он, как писатель не стоит и мизинца Соловьева. А то, что "Границы" добавляют от себя, что подпись Соловьева имеется под письмом писателей к 4-му Съезду Всесоюзного съезда писателей с требованием огласить письмо А. Солженицына, еще выше ставит автора "Писем из Русского музея", как бы они относились к нему власть предержащие.

К. Сергеев (США)